

© 2013 г.

*H. BARTA. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Band II. Archaische Grundlagen. Teil 1–2. Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. XVIII, 766 + XVI, 522 S.**

В свое время, рецензируя на страницах ВДИ первый том (Wiesbaden, 2010) огромного труда, над которым работает австрийский юрист Хайнц Барта, постепенно выпуская его в свет, мы не скрыли определенного разочарования, которое все более крепло в нас по мере чтения книги¹. Важными бросавшимися в глаза недостатками были, в частности: донельзя многословное изложение, которое (в совокупности с обильными и не всегда безусловно необходимыми цитатами из работ предшественников) сделало том чрезмерно «раздутым» по объему; достаточно хаотичная последовательность рассмотрения затрагиваемых вопросов; некоторый налет дилетантизма², заключающийся, например, в том, что автор подчас с жаром доказывал вещи, в общем-то, вполне очевидные; наконец, самое главное – опора не на источники, а почти исключительно на материал имеющейся литературы, что придало книге не исследовательский, а скорее компилятивный характер.

Мы высказали все это в мягкой форме (теперь придется в не столь мягкой), в конце рецензии выразив надежду на то, что в следующих томах (которые, в отличие от первого, вводного, Х. Барта планировал посвятить конкретной историко-правовой проблематике) автор обратится к несколько иным методам работы. И вот перед нами второй том его труда, в котором речь идет, как видно из подзаголовка об «архаических основаниях» древнегреческого права. Какое впечатление остается от него?

Прежде всего – об объеме. Как ни велик был первый том, но второй – даже по сравнению с ним – просто колоссален. Его даже пришлось (несомненно, по техническим причинам) выпустить в двух частях. В сумме это более 1300 страниц довольно крупного формата (большого, чем обычно бывает у монографий), убористо заполненных местами мелким, а местами очень мелким шрифтом. Мы даже не рискуем предположить, сколько это будет в пересчете на авторские листы (как известно, в книгах, изданных на Западе, такие данные обычно не указывается). Но в пересчете на килограммы это более 2 кг.

Что касается структуры тома, открывается он кратким введением (с. 1–12), а вот всю остальную его часть (не считая словаря терминов, списка литературы и указателей, имеющих в конце обеих частей) составляет одна-единственная глава. Она обозначена как «Глава II» (Х. Барта применяет в своем многотомном труде общую нумерацию глав) и называется «Драконт, Солон и последствия». Глава эта делится на 23 параграфа, весьма отличающихся друг от друга по размеру. Скажем, параграф 10 «Законодательство Солона» занимает более полутора страниц (ч. 1, с. 442–606); а, с другой стороны, параграф 23 «Рецепции и перемещения культуры – право на Древнем Востоке» (ч. 2, с. 375) уложился в один абзац, в котором автор сообщает читателю, что он решил – во избежание затяжек с публикацией тома – не писать этого параграфа.

Общая последовательность изложения, пожалуй, не менее хаотична, чем в предыдущем томе. Так, первый параграф называется «От Солона к Клисфену» (ч. 1, с. 15–58), во втором внезапно заходит речь о категории полиса (ч. 1, с. 59–76), в третьем Х. Барта перемещается в более раннюю эпоху – к Драконту (ч. 1, с. 77–129), в четвертом рассуждает о правовой категории случайности на материале

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 12-01-00005а).

¹ Суриков 2011, 191, 193 и др.

² Напомним, что Х. Барта ранее занимался тематикой, не имеющей никакого отношения к античности (его работы с 1980-х по начало 2000-х годов были посвящены различным вопросам австрийского и немецкого права, а также общеправовым проблемам), и лишь относительно недавно его интерес привлекли сюжеты, связанные с Древней Грецией.

речей Антифонта (ч. 1, с. 130–212), т.е. оказывается в V веке до н.э. В пятом говорится о процессе перехода «от сакрального права искупления к светской теории вины» (ч. 1, с. 213–264), в шестом изложение вновь возвращается к Драконту (ч. 1, с. 265–293)... И дальнейшее – преимущественно в аналогичном духе.

На одной из страниц введения автор формулирует (даже более исчерпывающим образом, чем в общем введении к труду, содержащемуся в I томе) суть и, так сказать, главный пафос своей работы: «Проект “Граеса”, несмотря на свой объем, не является ни системой, т.е. совершенно полным и исчерпывающим изложением (греческой правовой мысли), ни лексиконом. Я выбираю важные вопросы греческой – а временами также древневосточной и римской – правовой истории и заново их продумываю. Благодаря этому я могу показать, что греческое право было более развитым, чем обычно считается. В то же время я могу показать, что в античной Греции возникли не только история права, сравнительное право и философия права, но также правовая политика, искусство законодательства (легистика) и основы правоведения, а таким образом – европейской правовой науки и юриспруденции» (ч. 1, с. 4).

Если оставить в стороне высокопарный (мы бы сказали, даже несколько высокомерный) тон этого заявления и называть вещи своими именами, становится ясным, что Х. Барта, в сущности, позиционирует свою книгу как эссе. Да, именно так: перед нами – огромное эссе (стало быть, жанр заведомо нестрогий), в котором в известной мере произвольно отбираются вопросы, интересующие автора; они-то, соответственно, и подвергаются рассмотрению.

И рассмотрение это вновь, увы, осуществляется на материале не столько источников, сколько литературы. Безусловно, во втором томе ссылок на источники и цитат из них все-таки несколько побольше, чем в первом. Да оно и понятно: совсем не учитывать источниковые данные при написании книги о законодательствах Драконта и Солона было просто нельзя. Но, кстати, показательно, что с источниками автор работает по существующим немецким переводам. Это хорошо заметно, например, при перелистывании списка литературы, в котором указаны именно переводные издания античных авторов³.

Х. Барта постоянно сетует (что проявляется уже в названии его труда) на то, что юристы,истики права не знают древнегреческого языка и в результате ошибочно преуменьшают роль эллинов в развитии мировой правовой культуры. Так-то оно так, но появившееся у нас при рецензировании I тома подозрение⁴, что сентенцию Graeca non leguntur можно было бы при желании отнести и к самому автору рассматриваемой работы, по ходу ознакомления со II томом только усилилось. Когда Х. Барта приводит греческие термины, в их написании подчас проскальзывают погрешности, которые трудно отнести к простым опечаткам – ввиду их повторяющегося характера: например, регулярно игнорируется подписная *йота*.

Во всяком случае, совершенно очевидно, что для автора куда важнее не свидетельства источников как таковые, а интерпретации, имеющиеся в современных исследованиях. Опять, как и в I томе, перед нами пестрят пространные цитаты из этих последних или же чрезвычайно подробные, во всех деталях, пересказы чужих точек зрения.

При этом характер знания Х. Бартой историографии затрагиваемых им вопросов опять же носит какой-то своеобразный, выборочный характер. С одной стороны, библиография, как отмечалось выше, громадна (как и вст в этой книге), а с другой – далеко не всегда указанные в ней исследования имеют прямое отношение к тематике труда. Это само по себе не страшно, но вот когда в списке обнаруживаются работы, никак не касающиеся древнегреческого права, однако не обнаруживаются те, на которые обязательно нужно было сослаться, – вот это уже значительно хуже.

Приведем пример, который адекватно продемонстрирует ситуацию. Самое большое место в томе занимает разбор деятельности Солона (что вполне естественно, учитывая избранные автором хронологические и тематические рамки). Наверное, следовало бы ожидать, что в такой большой книге

³ Кстати, в этом списке почему-то и современные исследования, и источники идут единым алфавитным перечнем. Нам-то казалось, даже студент должен знать, что это – вещи принципиально разные, соответственно, их и приводить нужно двумя отдельными списками. Но, очевидно, это – «прописная истина» только для историка, но отнюдь не для юриста. Аристотель между Ханной Арендт и Раймоном Ароном смотрится, конечно, довольно экзотично. Коль скоро уж речь зашла о списке литературы, заметим еще: нам осталось совершенно непонятным, для чего нужно было приводить этот список (а в нем более ста страниц) два раза – и в конце первой части тома, и в конце второй. Закрадывается крамольная мысль: возможно, автору хотелось сделать и без того внушительный внешний вид тома еще более внушительным?

⁴ Суриков 2011, 193.

литература о Солоне, особенно новая, будет отражена если не в исчерпывающей, то в близкой к исчерпывающей степени, – по крайней мере, хотя бы монографии.

Что же имеем в действительности? Х. Барта постоянно рассуждает на темы «Солон и полис»⁵, «Солон и справедливость» – и притом даже не упоминает книгу Дж. Альмейды, посвященную как раз этой проблематике⁶. Немалое место в изложении занимают экономические реформы Солона, но ни слова о книге Ф. Стенли, которая так и называется: «Экономические реформы Солона»⁷. Далее, одним из главных источников по интересующей автора тематике является, естественно, политическая лирика Солона, данные которой постоянно привлекаются. О Солоне как поэте-политике только за последние пару десятилетий появились монографические исследования Э. Анхальт, А. Сожа, К. Мюльке, Э. Ирвин⁸; ни одно из них Барте не известно. Уже в первом параграфе рецензируемого тома он ставит вопрос о том, следует ли считать Солона основателем демократии (ч. 1, с. 22–24), и затем регулярно к этому вопросу возвращается. В последний раз данная проблема рассматривалась в монографии И. Цигариды⁹; наверно, читатель уже не удивится, что и эту работу Барта не учел.

И перечень подобных досаднейших упущений можно было бы продолжать! По сути, автор использует почти исключительно старую литературу о Солоне (как книги И. Линфорта, К. Фримен¹⁰, совершенно популярная работа К. Хённа¹¹), да и то далеко не исчерпывающим образом. Так, он ссылается на целый ряд работ В. Эренберга – но только не на ту его монографию («От Солона до Сократа»¹²), в которой о Солоне говорится наиболее подробно. Из важнейших же исследований последнего времени он обращается (не считая нескольких статей) разве что к известному коллективному труду «Солон Афинский»¹³ (который, кстати, сам по себе оставляет неоднозначное, не вполне позитивное впечатление¹⁴).

Как можно писать в подобном духе? Наибольшее затруднение для нас, впрочем, составляет иной вопрос: как рецензировать творения, написанные в подобном духе? Очень хотелось бы на этом и закончить, но неизбежно приходится высказать и ряд содержательных соображений о книге, дать некоторые ее характеристики общего характера. Тем более что именно данному, II тому Х. Барта отводит «ключевую роль» (ч. 1, с. 2) во всем своем труде.

Из того, что уже было сказано, думается, ясно всем читающим: автор не принадлежит к нашей когорте специалистов-антиковедов. Тот факт, что он позволяет себе такие написания, как, например, «М.Т. Цицеро» (ч. 1, с. 694), лишний раз утверждают в этом. В принципе, «незамыслившийся взгляд» приходящего в некую дисциплину неопита иной раз порождает и позитивные (пусть даже спорные по результатам) последствия. Все помнят, какой фурор произвел синолог Мартин Бернал в науке об античности, «ворвавшись» в нее со своей «Черной Афиной». Случаются, однако, и пароксизмы иного рода, в духе вполне клинического «случая Фоменко – Носовского».

Впрочем, похоже, что работе Х. Барты не грозит ни то, ни другое. Сенсации она не произведет, потому что тех, кто падок на сенсации, оттолкнет огромный размер книги, и они ее не откроют. А если и откроют – то ничего сенсационного в ней не найдут. Вся она посвящена настойчивому обоснованию того (на наш взгляд, вполне банального) положения, что родиной европейского права является античная Греция, а не античный Рим. «Без греков и Древнего Востока (включая Египет) не было бы никакого «Рима»!» – эмоционально восклицает ученый.

О Востоке, правда, в книге сказано немного. Как отмечалось выше, параграф 23, который должен был быть посвящен древневосточному праву, автор не написал. Остается параграф 17 (ч. 2, с. 217–277), в котором сравнивается древнегреческая концепция «евномии» (благозакония), важная для понимания деятельности Солона, и египетская концепция «маат». И предлагается вывод, согласно которому имела место «солоновская рецепция из египетских источников» (ч. 2, с. 271). Иными словами, афинский законодатель позаимствовал из Египта одну из самых значимых для себя идей.

⁵ Именно так называется, в частности, параграф 11 в его книге (ч. 2, с. 1–45).

⁶ Almeida 2003.

⁷ Stanley 1999.

⁸ Anhalt 1993; Sauge 2000; Mülke 2002; Irwin 2005.

⁹ Tsigarida 2006.

¹⁰ Linforth 1919; Freeman 1926.

¹¹ Hönn 1948. А вот эту книжку как раз можно было бы при желании проигнорировать без особого ущерба. Но Хённ – австриец, а для Х. Барты это, чувствуется, немаловажно: по всему ходу изложения видно, что своим соотечественникам он особенно благоволил.

¹² Ehrenberg 1968.

¹³ Solon of Athens 2006.

¹⁴ См. Суриков 2010б.

В качестве параллели указывается на то, что перенес же он в Афины из Египта закон против праздности (ср. Herod. II. 177).

Какой легкий способ решать дискуссионные проблемы! Однако на самом деле все сложнее. Солон действительно бывал в Египте (правда, согласно данным нарративной традиции, уже после своего архонтата и законодательства, но допустим, что этой деталью можно пренебречь). А вот о Тиртее то же самое никак нельзя сказать. Между тем именно Тиртей раньше Солона, уже в VII в. до н.э. употребляет термин «евномия». Так он назвал одну из своих элегий (Turt. fr. 4 West), представляющую собой пересказ дельфийского прорицания. Соответственно, мы предположили в другом месте¹⁵, что и сама идея имеет дельфийское происхождение. Далее, и с законом о праздности все не так-то просто. Мало того, что уже античные авторы колебались в вопросе о том, был ли он издан Драконом, Солоном или Писистратом (Theophr. fr. 99 Wimmer; Plut. Sol. 31; Diog. Laert. I. 55), – само его существование вызывает серьезные сомнения¹⁶.

Наконец, внешнее сходство тех или иных элементов политико-правовых представлений само по себе еще отнюдь не является достаточным условием, на основании которого можно автоматически делать заключение о заимствовании, рецепции. Как минимум, неплохо было бы доказать, что эллины VII в. до н.э. владели египетским языком в такой степени, чтобы усваивать у его носителей соответствующие концепции. А доказать это, разумеется, не получится – ввиду полной очевидности противоположного.

Итак, главное в рецензируемой работе – борьба с ошибочным мнением, согласно которому «все право – из Рима» и выдвижением в противовес ему точки зрения о том, что корни европейской правовой теории и практики лежат в Греции. Но, собственно, кого автор хочет в этом убедить? Для большинства историков-антиковедов (и уж точно для всех специалистов по древнегреческому праву) данный факт вполне очевиден. Получается, что книга написана (как мы отмечали уже и в рецензии на I том¹⁷) не только юристом, но и, что еще важнее, для юристов. К ним в первую очередь адресуется Х. Барта, именно им хочет «открыть глаза» на некоторые вещи. Может быть, в том числе и поэтому историку читать ее не столь интересно: мало по-настоящему нового.

Так, главный тезис параграфа 1-го заключается в том, что реформы Солона предопределили собой дальнейшие, более радикальные преобразования Клисфена. Поэтому «Солон – один из отцов, если не *единственный* отец греческой демократии» (ч. 1, с. 50; курсив Х. Барты). Подобный взгляд представляется нам чрезмерно категоричным. Во времена Солона никто еще не имел о демократии ни малейшего понятия, и даже до появления самого этого термина должно было пройти примерно полтора века. Как мог великий законодатель направить развитие афинского полиса по пути к строю, который еще не существовал и о возможности которого он не мог даже догадываться? Есть в этом некий телеологизм... В XX в., допустим, марксисты призывали создать ранее неведомый строй – коммунизм (и характерно, кстати, что у них ничего не вышло); но они опирались на теоретическую модель этого строя, разработанную Марксом. А на какую такую «теорию демократии» мог опираться Солон¹⁸?

Далее, и в вопросе об обусловленности клисфеновских реформ солоновскими предлагаемое Х. Бартой решение слишком прямолинейно. Такую обусловленность можно признать лишь в том смысле, что не будь Солона, – наверное, не было бы и Клисфена, т.е. в самом широком и общем смысле. А с суждением, что деятельность Клисфена напрямую вытекала из деятельности Солона, была ее неизбежным продолжением, мы бы никак не согласились. В конкретно-исторических условиях развития афинского полиса даже и после Солона могло пойти по разным «векторам» – не обязательно в направлении клисфеновской и послеклисфеновской демократии. Так, в Риме был «свой Солон» – Сервий Туллий, но не было «своего Клисфена»; в результате Рим никогда в своей истории не достиг такой степени демократизации государственного устройства, как Афины¹⁹.

¹⁵ Суриков 2005, 114 слл.

¹⁶ Подробнее см. Суриков 2008, 16–19.

¹⁷ Суриков 2011, 190.

¹⁸ Ср. глубокомысленные замечания М.Л. Гаспарова (сделанные, естественно, совсем по другому поводу): «Глядеть на культурную систему эпохи изнутри – это значит встать на ее точку зрения, забыть о том, что будет после... Историзм требует понимать, что каждое поколение думает не о том, кому бы предшествовать, и старается не о том, чтобы нам понравиться и угадать наши ответы на все вопросы: нет, оно решает собственные задачи. Оно не знает заранее будущего пути истории – перед ним много равновозможных путей» (Гаспаров 1997, 490–491).

¹⁹ Правда, по мнению А.М. Сморгочова, и в Риме тоже после победы аристократии над царской властью имела место – позже – победа народа над аристократией (Сморгочов 2012, 113). Но нам это представляется преувеличением.

Высказав в параграфе 2 мысль о том, что полис как таковой выступал в качестве «хранителя социального мира», автор затем переходит к Драконту (в параграфе 3). Он присоединяется к той точке зрения, которая в последние десятилетия получает все более широкое распространение в историографии²⁰ и согласно которой Драконт издал *только* законы об убийствах. Они в первую очередь в книге и анализируются. Перед этим затрагивается вопрос «о личности Драконта», и сразу же оговаривается, что «о Драконте мало что сообщается» (ч. 1, с. 78). Это так, но, наверное, не мешало бы упомянуть о свидетельстве Павсания (IX. 36. 8), из которого мы узнаем, что Драконт в момент своей законодательной деятельности был архонтом-фесмофетом. Впрочем, в этой части главы ссылок на источники вообще нет (эта тенденция, повторим, в большей или меньшей степени характерна для всей книги), а информация берется в основном из статей в энциклопедии RE (о Драконте, заметим, писалось в ее V томе, вышедшем аж в 1905 г.)²¹.

Х. Барта связывает законодательство Драконта с мятежом Килона, имевшим место на полтора десятилетия ранее и вызвавшим настоящую «волну» кровной мести. Это правильно²². Идея о том, что цель данного законодательства – поставить кровную месть под контроль государства, – тоже вполне верна. Но все это не ново. Более глубокий и содержательный анализ «драконтовых законов» можно встретить в предшествующих исследованиях²³.

В достаточно объемном параграфе 4 автор погружается в проблематику речей Антифонта²⁴ – этого оратора и софиста²⁵ он ценит особенно высоко с точки зрения его вклада в развитие теоретической юриспруденции и в предыдущем томе своего труда даже назвал его «первым европейским правоведом»²⁶. На тех же позициях Х. Барта остается и поныне. Мы тоже отнюдь не склонны преуменьшать заслуги Антифонта (ведь это действительно фигура, которой часто несправедливо пренебрегают²⁷), но довольно легко (особенно для не-специалиста, коим является Барта) «перегнуть палку» в другую сторону.

Автор приписывает Антифону открытие правовой категории случайности. Имеется в виду смерть в результате несчастного случая. Таков сюжет второй «Тетралогии» Антифонта. В момент тренировки атлетов некий мальчик неосторожно выбегает на стадион и погибает от брошенного одним из тренирующихся копья; его родители возбуждают судебный процесс по обвинению в неумышленном убийстве (φόνος ὁκοῖστος) против юноши, чье копье попало в мальчика; отец юноши, защищающий его в суде, весьма аргументированно показывает, что в данной ситуации вообще нельзя говорить об убийстве. Х. Барта считает, что это – некий революционный шаг, но притом подчеркивает, что уже некоторые формулировки законов Драконта создавали для такого шага определенные предпосылки.

Мы, со своей стороны, напомним хотя бы следующий пассаж: «...когда какой-то пентатл нечаянно брошенным дротом убил Эпитима из Фарсала, Перикл... потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником этого несчастного случая (τοῦ λάθους) – дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания» (Plut. Pericl. 36). Этот описанный Плутархом эпизод с трудом поддается более или менее точной датировке (прежде всего потому, что неясна хронология визитов Протагора в Афины). Состоялся ли разговор лидера афинского полиса с крупнейшим софистом раньше или позже того, как были написаны «Тетралогии» Антифонта²⁸?

²⁰ Например: Humphreys 1991; Schmitz 2001. В более мягкой форме: Суриков 2004, 27–52; 2008.

²¹ Кстати, также явно из литературы (уж точно не из источников) почерпнул Х. Барта часто повторяющееся в его книге, но притом совершенно превратное мнение, согласно которому Солон будто бы являлся эсимнетом. В Афинах институт эсимнетии вообще не зафиксирован; эсимнеты встречаются только в полисах Ионии, да еще в Мегарах и их колониях (Соломатина 2004, 164). Правильное приращение аналогичной точки зрения именно к Афинам полисической эпохи см. Ruschenbusch 1979.

²² Суриков 2000, 125–133.

²³ Gagarin 1981; Carawan 1998.

²⁴ Об этом авторе см. прежде всего Gagarin 2002.

²⁵ Антифонт-оратор и Антифонт-софист – одно лицо, вопреки безоговорочно преобладавшему ранее мнению (см. к проблеме Суриков 2007). Ныне почти все признают их тождество, в том числе и Х. Барта.

²⁶ Barta 2010, 49.

²⁷ И особенно – у нас. Достаточно упомянуть, что из «канона десяти великих ораторов» один только Антифонт – самый ранний из них (!) пока не переведен на русский язык (как раз сейчас мы работаем над заполнением этой досадной лакуны).

²⁸ Одни признают «Тетралогии» первыми произведениями Антифонта, созданными в 440-х – 430-х годах до н.э. (например: Gagarin 2002, 179). По мнению других, эти парадоксальные тексты были написаны позже и вообще не принадлежат Антифону (например: Carawan 1998, 171 ff.). Полемика по данному вопросу идет довольно горячая, но мы не будем утруждать читателей ее детальной библиографией. Во всяком случае, никто ныне не сомневается в том, что «Тетралогии» – продукт софистического движения.

Не знаем, и никто не знает; но, во всяком случае, ясно, что в «Перикловых» Афинах вопросы подобного рода активно обсуждались (φιλοσοφοῦμεν ἅνεν μαλακίας, Thuc. II. 40. 1)²⁹; Антифонт тут никакого открытия не сделал.

Мы чувствуем, что, если будем столь же подробно, с возражениями по конкретным нюансам, разбирать рецензируемый труд, рецензия рискует разрастись до необходимости. Поэтому в дальнейшем постараемся придерживаться максимальной краткости.

Параграф 5 продолжает проблематику предыдущего, четвертого; в шестом опять идет речь о Драконте, который тут даже назван «первым законодателем Греции» (ч. 1, с. 278). Уж не знаем, досадная ли это оговорка или что-либо иное; возможно ли представить незнакомство Х. Барты с тем обстоятельством, что нигде в нарративной традиции Драконт не фигурирует в качестве самого раннего представителя архаического греческого законодательства? Залевк всегда датируется временем, предшествующим Драконту; имеются и эпиграфические законы, которые относятся к несколько более ранним годам³⁰.

Начиная с параграфа 7 («Стремящийся к “евномии”» ч. 1, с. 293–310) и вплоть до конца тома автор концентрируется на деятельности Солона. Основные идеи этой части труда следующие. Солон желал достигнуть общественного мира, примирения посредством права и закона (параграф 8 – ч. 1, с. 311–317). Этого можно было достигнуть путем создания категории «субъекта права», к чему великий афинянин и шел. Пространное рассуждение об этом (параграф 9-й – ч. 1, с. 318–441) завершается выводами следующего характера. Развитие гражданского права и развитие демократии (ранней, оговаривает Х. Барта) шли хронологически параллельно и были взаимосвязаны с содержательной стороны. Общество, состоящее из автономных индивидуумов, порождало систему отношений, основанных на договоре; такая ситуация и повлияла на общий дух солоновского законодательства. Солон, в частности, признал определенные права за объединениями граждан, в целом уделял особое внимание проблемам частного права, причем способствовал процессу освобождения личности от влияния семьи.

Прекрасно понимаем, о чем идет речь (сразу припоминается, например, закон, разрешавший при некоторых обстоятельствах составление завещаний), и тем не менее эти размышления оставляют впечатление несколько упрощенных, поверхностных. Может быть, для юристов и допустимо так писать, но историку античности во всех подобных случаях совершенно ясно, что в реальных конкретно-исторических условиях тогдашних Афин все было сложнее по сравнению с любой предлагаемой схемой. Полагаем, мы должны учиться смотреть на события прошлого не глазами человека сегодняшнего дня, а как бы сквозь призму восприятия людей самих соответствующих эпох. Только постигнув в той или иной степени присущую их сознанию логику, мы можем более или менее адекватно понимать и их действия.

Далее следует параграф 10, посвященный, как явствует из заглавия, законодательству Солона. Впрочем, на самом деле рассматриваются лишь некоторые из его законов – те, которые в наибольшей степени укладываются в концепцию автора, придающую Солону решающую роль в процессе формирования понятия юридического лица и идеи верховенства права. Этот параграф, как уже отмечалось, самый большой в книге (во многом за счет того, что в нем особенно обильны и обширны пересказы работ ранее писавших ученых – К. Лоренца, М. Гагарина, К. Мейли и др.), а также едва ли не самый сбивчивый по структуре³¹. Завершается он тем выводом, что результаты солоновского эксперимента оказали свое позитивное воздействие на афинскую историю не сразу, а только в средне- и долгосрочной перспективе (ч. 1, с. 605). Вывод опять же вполне верный, но отнюдь не оригинальный³².

Солон внес важный вклад в формирование полиса, создавая и укрепляя социальные обязательства (параграф 11, «Солон и полис» – ч. 2, с. 1–45). Его законодательство – первый шаг к систематизации

²⁹ «Сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим не давать его» (Thuc. I. 70. 8). Когда в 415 г. до н.э. стоял вопрос об экспедиции на Сицилию, афиняне, собираясь кучками у домов, чертили на песке планы острова и т.п. Могли ли они хоть что-нибудь обсуждать без энтузиазма?

³⁰ Их сводку см. в Koenig 1993.

³¹ Приведем для иллюстрации названия нескольких из подглавок, на которые членится параграф. Приводим их, подчеркнем, именно в той последовательности, в которой они стоят. «Возникновение юридического лица», «*Nómos moicheías* (закон о прелюбодеянии. – И.С.)», «Соседское право», «Солон и римское право», «Ответственность за зависимых, рабов и животных – *Noxa caput sequitur* (наказание следует за лицом. – И.С.)», «Посмертная защита личности», «Солон и *hóroí*», «Публичный иск», «Законодательство как “эксперимент”». Кто хочет, может попытаться уловить в этом какую-то систему.

³² См. хотя бы: Суриков 2005, 149–150.

права (параграф 12, «Становление правовой системы» – ч. 2, с. 46–69). Степень этой систематизации мы, впрочем, не стали бы преувеличивать: греческое право в сравнении с римским выделялось своей бросающейся в глаза бессистемностью. Х. Барта, с его свойственной неопиту любовью ко всему эллинистическому, выражается мягче: «Построение правовых систем учит нас, что Греция и Рим шли отчасти разными путями развития и применения права» (ч. 2, с. 56).

Автор рецензируемой книги подробно (параграф 13 – ч. 2, с. 70–145) останавливается на понятии *epieikeia* у Солона. Этот термин (смысл которого варьирует от «справедливости» до «доброты» и который поэтому нередко сопоставляют с латинским *aequitas*, отражающим аналогичный спектр значений), бесспорно, интересен. Проблема, однако, в том, что у Солона, в его сохранившихся стихотворениях, он не встречается. Слово зафиксировано у Платона, Аристотеля и ряда других авторов классической эпохи (а также, естественно, более поздних). Так что вряд ли имеет смысл рассуждать о том, что понимал Солон под *epieikeia*.

Затем ход изложения становится таковым, что уловить в нем какую-либо систематичность совсем уже трудно. Один из других следуют параграфы, посвященные солоновскому закону о *hybris* – это понятие мы бы, пожалуй, передали как «дерзкая надменность» (ч. 2, с. 146–181), образу Солона в истории (ч. 2, с. 182–189), «реформаторскому мышлению» Солона (ч. 2, 190–216), сопоставлению солоновской «евномии» и египетской «маат» (об этом мы уже говорили выше), затем почему-то своду законов из критской Гортины, изданном, как известно, в V в. до н.э. (ч. 2, с. 278–295). Это, соответственно, 14, 15, 16, 17 и 18 параграфы.

Таковыми прихотливыми путями австрийский ученый ведет потенциального читателя к признанию важной роли Солона в истории греческого права и не менее важной роли греческого права в общеевропейской культурной истории. Последний «тематический блок» своей работы он посвящает вкладу афинского законодателя в складывание понятия индивидуальной собственности. Это 19–22 параграфы (ч. 2, с. 296–374); рассмотрим их суммарно.

Для Х. Барты, с одной стороны, несомненно, что индивидуальная частная собственность (в отличие от собственности семейной, от которой она эмансипируется) является важным элементом гражданского правосознания европейского типа. С другой стороны, он учитывает и то, что сама концепция собственности весьма архаична и при становлении гражданской общины связана первоначально с культом мертвых. Признаться, в этом месте мы ожидали встретить ссылку на классический труд Фюстеля де Куланжа, в котором как раз эта мысль весьма интенсивно отстаивается (кажется, впервые в мировой историографии). Однако великий французский антиковед Бартоу даже не упоминается.

В результате сам процесс развития идеи собственности трактуется как движение «от сакрального к светскому». В немецкой гуманитарной мысли любят еще употреблять в данной связи – да и в целом по поводу эволюции мышления в древних обществах – термин *Entzauberung* («расволшебление», если так можно выразиться), хотя в рецензируемой книге конкретно это слово вроде бы не встречается. Как бы то ни было, наверное, ясно, о чем идет речь. Лично мы в этом факте «обмирщения» полиса совершенно не уверены, и нам уже приходилось высказывать сомнения в связи с вопросом, было ли в полисных условиях хоть что-то абсолютно «светское»³³. Но это, в конце концов, наша персональная точка зрения, с которой можно соглашаться и можно не соглашаться.

Дискурс же Х. Барты – во вполне традиционном духе: «доля мертвеца» как некий архаичный институт его весьма интересует, он даже пытается проследить рудименты этого института в более поздние эпохи – на материале эллинистического, римского и «германско-христианского» права (ч. 2, с. 335–343). Касается он и проблем общего порядка, связанных с греческим понятием собственности, в частности, с тем, как греки разделяли понятия собственности и владения. И опять все упрощает. С концепцией собственности у греков все вообще достаточно сложно, она передавалась не терминологическими, а синтаксическими средствами³⁴.

Подведем некоторые итоги. Очень не хочется говорить суровые и ответственные слова – «книга научной ценности не представляет», но тем не менее из всей литературы по античности, которую нам доводилось читать за последние годы, именно к работе Х. Барты такое суждение было бы применимо в наибольшей степени. Нас несколько удивило, что объектаемо-доброжелательное предисловие к рецензируемому тому – небольшое, на одну страницу (ч. 1, с. VIII) – счел возможным написать Роберт Роллингер, которого мы знаем как достаточно известного антиковеда, в чьей компетенции никто не усомнится. Неужели сыграл свою роль чисто личностный фактор – совместная работа с Бартоу в Инсбруке?

³³ Суриков 2010а, 25 сл.

³⁴ Chaniotis 2004, 187 f.; Суриков (в печати).

Литература

1. Гаспаров М.Л. 1997: Избранные труды. Т. 2. О стихах. М.
2. Сморгачев А.М. 2012: Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.
3. Соломатина Е.И. 2004: Эсимнеты: тираны, верные традициям, или неверно понятая традиция? // ВДИ. 2, 159–179.
4. Суриков И.Е. 2000: Из истории греческой аристократии позднearchaisкой и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М.
5. Суриков И.Е. 2004: Проблемы раннего афинского законодательства. М.
6. Суриков И.Е. 2005: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.
7. Суриков И.Е. 2007: Antiphonthea II: Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // *Studia historica*. 7, 28–43.
8. Суриков И.Е. 2008: Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Часть I // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 11, 5–25.
9. Суриков И.Е. 2010а: Греческий полис archaisкой и классической эпох // Античный полис. Курс лекций / В.В. Деметрива, И.Е. Суриков (ред.). М., 8–54.
10. Суриков И.Е. 2010б: Ред.: Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden – Boston, 2006 // ВДИ. 1, 207–214.
11. Суриков И.Е. 2011: Ред.: H. Barta. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd 1. Wiesbaden, 2010 // ВДИ. 2, 190–194.
12. Суриков И.Е. (в печати): Некоторые замечания о понятии собственности в древнегреческом праве // Древнее право.
13. Almeida J.A. 2003: Justice as an Aspect of the Polis Idea in Solon's Political Poems: A Reading of the Fragments in Light of the Researches of New Classical Archaeology. Leiden.
14. Anhalt E.K. 1993: Solon the Singer: Politics and Poetics. Lanham.
15. Barta H. 2010: «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd 1. Wiesbaden.
16. Carawan E. 1998: Rhetoric and the Law of Draco. Oxf.
17. Chaniotis A. 2004: Justifying Territorial Claims in Classical and Hellenistic Greece: The Beginnings of International Law // The Law and the Courts in Ancient Greece / E.M. Harris, L. Rubinstein (eds.). L., 185–213.
18. Ehrenberg V. 1968: From Solon to Socrates. L.
19. Freeman I. 1926: The Work and Life of Solon. Cardiff – London.
20. Gagarin M. 1981: Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Haven.
21. Gagarin M. 2002: Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin.
22. Hönn K. 1948: Solon: Staatsmann und Weiser. Wien.
23. Humphreys S.C. 1991: A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte / M. Gagarin (Hrsg.). Köln, 17–45.
24. Irwin E. 2005: Solon and Early Greek Poetry: The Politics of Exhortation. Cambr.
25. Koerner R. 1993: Inschriftliche Gesetzestexte der frühen griechischen Polis. Köln.
26. Linforth I. 1919: Solon the Athenian. Berkeley.
27. Mülke Chr. 2002: Solons politische Elegien und Iamben (Fr. 1–13; 32–37 West): Einleitung, Text, Kommentar. Lpz.
28. Ruschenbusch E. 1979: Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v.Chr.: Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg.
29. Sauge A. 2000: «L'Iliade», poème athénien de l'époque de Solon. Bern.
30. Schmitz W. 2001: «Drakontische Strafen»: Die Revision der Gesetze Drakons durch Solon und die Blutrache in Athen // *Klio*. 83, 1, 7–38.
31. Solon of Athens 2006: Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois (eds.). Leiden – Boston.
32. Stanley Ph.V. 1999: The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen.
33. Tsigarida I. 2006: Solon – Begründer der Demokratie? Bern.

И.Е. Суриков,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН